

Угори Мачкове (Мор)

**СВИДАНИЕ
С НЕСОСТОЯВШИМСЯ**

Игорь Мальков (Мор)

Свидание с несостоявшимся

«Издательские решения»

Мальков (Мор) И.

Свидание с несостоявшимся / И. Мальков (Мор) —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748528-3

Из рецензии: «Редкая для современной поэзии образность, наполненная чувствами и философией. В этих стихах есть тайный смысл, ирония и иносказания, соединенные с музыкальностью и лёгкостью слога, присущие поэзии символизма. Удивляют проникновенностью стихи, написанные от женского лица. Тексты в разделе «Без политеса» можно отнести к жанру сатирической поэзии, но скорее это реплики, оценки и размышления автора о себе, времени и окружающем мире».

ISBN 978-5-44-748528-3

© Мальков (Мор) И.
© Издательские решения

Содержание

Поэтические новеллы	7
«Не шляпу, жизнь одел я набекрень —...»	7
День рождения вселенной	8
Свидание с несостоявшимся	9
Правда бытия	10
«Я прошел по лугу, не заметив цветов...»	11
«Меня накрыло тучей бордовой...»	12
«Обрывки фраз на скомканном листе —...»	13
«Ночная мгла. Лишь ответ лунный...»	14
«Прощаясь с прошлым безвозвратным...»	15
Чайка	16
«С Парнаса на Олимп я прикатил...»	17
Холодно	18
Дом со старой вишней	19
Несостоявшаяся встреча	20
«Просторно, но теснимо княжество...»	21
Знамение	22
Слепота	23
«Наполнился кубок...»	24
«Топором по корням...»	25
«Отравленный соком сорванных лилий...»	26
«Среди обмана и кривотолков...»	27
Дитя на берегу	28
«Раннюю грозою смою с сердца грусть...»	29
«Не плач, любимая. Не надо!»	30
Странное лето	31
«На берегу – у вод забвенья...»	32
«Ветрена, дырява и бесстыдна память —...»	33
«Перешагнув невидимый порог...»	34
Набат	35
Обледеневшие качели	36
Я видел чудо	37
Цветаева	38
«Я вдруг ослеп ко всем цветам...»	39
Гордыня	40
Бездомные	41
«Не прощайтесь с поэзией ранее срока...»	42
«Звездой мерцающей, тревожной...»	43
Исаакиевский собор	44
Старик	45
«Сбежав из тревожного сновиденья...»	46
«Один кивок, одно лишь слово —...»	47
Мы разные	48
«Спросил о жизни. Без подвоха. Просто...»	49
«Как жаль, что не помним мы первых шагов...»	50
Сомнение	51

У стен монастырских	52
«Я искал этот путь по преданиям...»	53
Пленники	54
Странник	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Свидание с несостоявшимся

Игорь Мальков (Мор)

© Игорь Мальков (Мор), 2016

© Игорь Мальков (Мор), дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Поэтические новеллы

*Настанет миг – придется нам проститься.
Покончив с миром, к вечности уйдя,
Я в ад сойду – и буду о тебе молиться,
А если в рай – там буду ждать тебя.*

«Не шляпу, жизнь одел я набекрень —...»

Не шляпу, жизнь одел я набекрень —
Разбросаны отрывки и наброски.
Я лунный свет накинул на плетень,
Закрывший, словно занавес, подмости.

Я протираю небо по утрам,
Дождем грибным тоску с души смываю,
Дарю слова неведомым устам
И незнакомцев за свой стол сажаю.

Делю их груз пороков и грехов,
Черпая силы в тайнах мирозданья.
И чтоб не слышать лязг своих оков,
Слова любви шепчу, как заклинанья.

День рождения вселенной

На день рождения вселенной
Совсем недавно был я зван —
В пустыне темной и безбрежной
Рождался первый океан.

В безмолвье прозвучала лира —
Ни звезд, ни солнца, ни планет:
Вдвоем мы у истока мира,
Где даже Бога еще нет.

Взывая к первому восходу,
Собою тьму разорвала:
Будила музыка природу —
Так лира Господа звала.

Свидание с несостоявшимся

Ушедшее время подобно туману,
Приходит во время бессонных ночей —
Брожу по прошлому, как по чулану,
Среди заброшенных старых вещей.

Нет места на полках и пыльном полу,
Так много скопилось – кладезь бездонная.
А вот и шкатулка в дальнем углу,
В которой хранится всё несвершенное.

Ее открывая, я не ропщу,
Лишь груз сожалений со мною прокравшихся.
Зачем же я здесь? И что я ищу?
Пришел на свидание с несостоявшимся.

Правда бытия

Хоть раз послушайте себя,
Внимая, но, не соглашаясь,
И чувств своих не хороня,
На возражения решаясь.

Потом взгляните на себя,
Не прячась и не убегая,
Откройте правду бытия,
Ее впервые познавая.

Признайтесь во своих грехах
Душой и сердцем – не словами,
Застывшей клятвой на устах,
Скрепленной вашими слезами.

Не ожидая благ земных,
Не вопрошая чуда рая,
И не роняя слов пустых,
Пред Богом от стыда сгорая.

«Я прошел по лугу, не заметив цветов...»

Я прошел по лугу, не заметив цветов,
Пересмешника слышал, но не узнал,
Растрепал, промотал, всё богатство миров.
Возможно, не то и не там я искал.

Всё чаще минувшее вижу во сне,
Чувства бегут – вдруг стали пугливы.
Привык я валяться в душистой траве,
А тут волдыри от жгучей крапивы.

«Меня накрыло тучею бордовой...»

Меня накрыло тучею бордовой,
Дождя ни капли так и не пролившей.
Я укрываюсь ею как покровом,
Пропахшим переспелой вишней.

К забытому истоку припадаю —
Течет в нем боль, что так и не простила.
Калитку на ночь плотно прикрываю,
А то кручина в гости зачастила.

«Обрывки фраз на скомканном листе —...»

Обрывки фраз на скомканном листе —
Они кричат. Пронзают тишину.
А лунный свет на стареньком холсте
Мостит дорогу в холод. В вышину.

Но нет ответа в строках на полу:
Припасть к земле?
Или над ней взлететь?
И вот, прильнув к замерзшему стеклу,
Я в нем пытаюсь небо разглядеть...

«Ночная мгла. Лишь отсвет лунный...»

Ночная мгла. Лишь отсвет лунный
Пески зыбучие ласкал:
Бродил в пустыне ангел юный,
Как будто что-то там искал.

И вдруг вскричал: «Прости! Я внемлю!»
Впервые волю дав слезам.
Тут небо бросилось на землю
И превратилось в океан.

«Прощаясь с прошлым безвозвратным...»

Прощаясь с прошлым безвозвратным,
Не я исход мой изберу.
Кем стану: Полею благодатным?
Или песчинкой на ветру?
Одной рассветною росинкой,
Средь не услышанных шагов?
Иль высохшей давно слезинкой,
Упавшей с белых облаков?

Чайка

Крылом ударила. Не по воде. По памяти.
Гладь встрепенулась годовыми кольцами...
И вот стою в толпе на стертой паперти,
Где нищие смешались с богомольцами.

Звонящий страх и будничность предательства
Вступали в битву с мыслями мятежными —
Творили гении на грани помешательства,
Оплеванные злобными невеждами.

«С Парнаса на Олимп я прикатил...»

С Парнаса на Олимп я прикатил,
Там ждал Сатир – проказник и повеса.
Меня и нимф он щедро угостил
Амброзией, украденной у Зевса.

Я им о прошлом спьяну ворожил,
Слагал всем оды, больше всё хмелея,
И палача лишь взглядом проводил,
Когда летел казнить тот Прометей.

Не скоро я расслышал скорбный глас,
Меня корил он, требовал ответа...
И я вернулся снова на Парнас:
Олимп – совсем не место для поэта.

Холодно

Звездный ковер – будто с неба срисовано,
Свет лунный пробрался сквозь старую крышу.
Нет ничего. Только холодно.
Холодно!
И тихо.
Такой тишины я не слышал.

Тень, как распятие над изголовьем,
Перепуталось всё в сомненьях и муках.
Я погибаю. Я скован безмолвьем.
Не хочу тишины!
Я мечтаю о звуках!

Дом со старой вишней

Шум крыльев одинокой птицы
Туман встревожил у реки.
В протяжном скрипе половицы
Мне слышатся твои шаги.

Но нет. То дом со старой вишней,
Меня пустивший на постой,
Мне говорит: «И здесь ты лишний.
Средь сонма страждущих – чужой.
И не рука, а лишь виденье
Вело тебя в чертог пустой.
Ты думал – Божье провиденье,
А то был помысел людской».

Несостоявшаяся встреча

Мне так хотелось их увидеть вместе,
Я полный яств им накрываю стол
И жду, присев на неприметном месте,
Но так никто из них и не пришел...

А утро подарило откровенье —
Я еду в древний монастырский храм,
И ставлю свечи за упокоенье
Моим несостоявшимся гостям.

«Просторно, но теснимо княжество...»

Просторно, но теснимо княжество,
Так много алчности – не мудрости,
А раб, помноженный на ханжество,
В залоге у духовной скудости.

Не смертью страшен – полоном,
Запрет в клети, да еще высмеет.
Надежда обернется вороном —
Моей беде он глаз не выключет.

Что гению, и что бездарности
Отмерили излишек трусости.
Голос тихнет от усталости,
А больше от своей ненужности.

Знамение

Звуки летят, как осколки,
Урывками, словно в бреду:
Воем надрывным волки
Пугают иль кличут беду.

Сомнения – липкие тени,
Прячутся за углом,
Безжалостные привидения
Вползают в покинутый дом.

Свеча в заброшенном Храме —
Единственный светоч во тьме,
На закопченном камне
Шлет знамение мне.

Блики сливаются в знаки
И тают бесследно в ночи,
А я, оставаясь во мраке,
Читаю посланье свечи.

Слепота

Менялся мир, а род людской метался —
Его давно сразила слепота.
Средь них и я, как пилигрим, скитался,
И поминал наследников Христа.

Я видел ужас – как их жгли и рвали,
Но те хранили верность до конца,
А палачи голодным псам бросали
Еще живые теплые сердца...

Сменилось время – человек очнулся,
Потомки жертв на кафедры взошли.
Но скоро Бог от горя содрогнулся —
Те палачей во зверствах превзошли...

Прошли века – мир снова изменился,
И сонм святых теперь его хранит.
Но отчего Сын Божий преклонился
И нас о милосердии молит?

Но мы не слышим! Заложило уши.
Застыла церковь. И почти пуста.
А мы бездумно губим наши души
И распинаем заново Христа.

«Наполнился кубок...»

Наполнился кубок:
Отравленным словом,
Фальшивой монетой,
Истлевшим покровом,
Бездонным колодцем,
Последней ступенью,
Искусственным солнцем,
Собственной тенью.

Небесная твердь —
В нее упираюсь.
Мне воздуха мало.
Я задыхаюсь!

«Топором по корням...»

Топором по корням.
С размаху!
По ветвям.
Остервенело!
Палачи окружили плаху:
Дайте дело нам! Дайте дело!
Рвутся все рубануть и напиться —
Клич разносится громкий.
Страстный!
А из ран сок деревьев сочится,
По рукам и по лицам.
Красный!

«Отравленный соком сорванных лилий...»

Отравленный соком сорванных лилий,
Звоном набатным почти оглушен,
Я видел так ясно итог всех усилий —
Забытый острог, где был Бог заключен.

Боролся с собой, проклиная бессилье,
Я ангелов слышал, страшился и звал,
Чувствовал ветер, биение крыльев,
И теплый поток, что меня оведал.

Прикосновеньем, дарившим надежду,
Дрожью, одевшую тело в броню,
Я освящен был далью безбрежной,
Какой награждают только в раю.

«Среди обмана и кривотолков...»

Среди обмана и кривотолков,
Так и не вырвавшись из неволи,
Сердце, собранное из осколков,
Засыпало, устав от обиды и боли.

Протившись с нечаянным вдохновеньем,
Испив надежды последний глоток.
Всё обернулось коротким мгновеньем:
Забытое устье – иссохший исток.

Дитя на берегу

Река застыла – крепко спит
Плененная зимою.
Дитя на берегу сидит,
Припав к скале щекою.

Никто здесь в сумрачной тиши
Не ранит. Не унижит.
В холодном камне нет души,
А значит – не обидит.

Что нужно было испытать:
Предательство? Прозренье?
Какую муку, чтоб искать
У камня утешенье?

«Раннею грозою смою с сердца грусть...»

Раннею грозою смою с сердца грусть,
Талою водою снова я напьюсь,
Укрою лес одеждою, вплету цветы в траву,
И с добротой безбрежною в каждый дом войду.

Я укрошу морозы и прогоню метель,
И иссушу все слезы от горестных потерь,
Покров сниму незримый с жилища душ и грез,
И покажу любимых, гуляющих среди звезд.

Вам новый мир открою, любовью поделюсь,
Наполню вас собою, восторгом разольюсь.
Я пробужу в вас нежность, жестокость запрещу,
А вашу безнадежность в надежду превращу.

«Не плач, любимая. Не надо!»

Не плач, любимая. Не надо!
Давно прошло уж время листопада.
Да и зима с колючими ветрами
Совсем не стоит проводов слезами.

Не ты – сосульки пусть поплачут,
Они мороз в тепло переинчат.
Растает с ними горечь неудач.
Не плач, любимая. Не плач!

Странное лето

Дорожка не коврик:
Огромным коврищем —
До горизонта травую ласкучей.
Помня крики на пепелище,
Жажду грозы!
Настоящей!
Гремучей!

Думать о прошлом —
Почти что крамола,
Нахохлились птицы.
Что за примета?
Соломинка ногу вдруг уколола...
Как быстро всё высохло.
Странное лето.

«На берегу – у вод забвенья...»

На берегу – у вод забвенья
Я с вами вместе погрузу,
Вы не попросите прощенья,
Но я вас все равно прощу.

И прошепчу вам заклинанье —
Ни власти в нем, ни колдовства,
А только позднее признание
И предсказанье Божества.

«Ветрена, дырява и бесстыдна память —...»

Ветрена, дырява и бесстыдна память —
Всё в ней зарастает сором и быльем,
Вечно вор лукавый норовит ограбить,
Называя древо бесполезным пнем.

Всё это было. Всё это будет.
Этим днем. Иль завтра. Иль когда-нибудь.
Кто-то будет помнить. Большинство забудет,
Что лежал здесь прежде выстраданный путь.

Спутались границы вечной тьмы и света,
Истина скатилась с древнего кольца:
Как ни умоляй, но пройдет и это —
Не найти начала, не сыскать конца.

«Перешагнув невидимый порог...»

Перешагнув невидимый порог,
Открылась правда вся о пережитом,
Увидел я, что жизненный поток
Черпал так глупо крупным ситом.

Услышал глас: «Иди и создай!
Используй то, что дал я с поцелуем.
Ты собирал, теперь же отдавай,
Чтоб Божий дар растратился не все».

Набат

Рассветный сон прервал рассказ на полуслове,
Оставив в памяти лишь голоса и отголоски.
Обрывки фраз сложились в предисловие,
А вместо глав лишь прочерки и сноски.

О чем был тот рассказ? Кем он написан был?
Кто главный персонаж?
Герой иль выскочка ничтожный?
Я видел царство, где народ застыл,
Молился много, хоть и был безбожный.

В том царстве божеством провозглашен порок,
Ничтожества там «знать» —
Единством сбились в стаю.
Народ их славит и несет оброк,
А восстающих бьют и проклинаяют.

О чем тот сон? К чему такие сны?
Похоже, что к беде.
Она не у ворот. Она внутри. Часы уже пробили.
Возрадовались стойлу и узде...
Вчера звучал набат! Колокола по нам звонили.

Обледеневшие качели

Студеный страх вползает в щели,
Замерзшая луна в пруду,
Обледеневшие качели
Застыли в сумрачном саду.

Я так боюсь, что не успею,
Не объясню, не искуплю,
Вдруг возропщу, иль онемею,
Иль просто плоти уступлю.

Я видел чудо

Я видел чудо: свод бездонный,
Там юный ангел танцевал,
Кружился и в сачок огромный,
Смеясь, он звезды собирал.

Вдруг строгий голос он услышал,
Смирненно сел на облака,
И тут нечаянно рассыпал
На землю звезды из сачка.

Под этим дивным звездопадом,
Я замороженный стоял,
Смотрел как тают звезды рядом
И, не сдержавшись, зарыдал.

Цветаева

Тонкою иглою
В сердца я пробралась.
Заболели мною —
Не дали мне пропасть.

Вдруг странную прохладу
Принесла река.
Ушла от водопада,
Смотрю издалека.

Унесена я в небо
Прощальной волной.
Вам не дарила хлеба —
Делилася мечтой.

Здесь оставляю брызги,
Надеюсь – на века.
Ну что ж. До новой жизни.
Пока. Пока. Пока.

«Я вдруг ослеп ко всем цветам...»

Я вдруг ослеп ко всем цветам,
В одну все краски слились.
Я мир читаю по чертам,
Которые мне снились.

Теперь их вижу наяву,
Я в них преображаюсь,
Читаю по чертам судьбу
И в краске растворяюсь.

Гордыня

Мазок последний. Это совершенство!
Прекрасный ангел на его картине.
Он ожидал почувствовать блаженство,
Но сердце не ликует. Стынет!

Вот-вот оно замрет иль разорвется —
Пред ним не сад, а черная пустыня:
Наружу рвется и над ним смеется
Наследство падших ангелов – гордыня.

Притворный кров она ему дарует —
Пред ним улыбка адского всеилья...
Берет он кисть и заново рисует
Большие, но поломанные крылья.

Бездомные

Хлебнули жизни всякой —
Всё больше цвета смолы.
Так и бредут с собакой,
Среди тоски и боли.

Хранят остатки гордости
Уже три года с гаком.
Не дай, господь, бездомности
Ни людям, ни собакам.

«Не прощайтесь с поэзией ранее срока...»

Не прощайтесь с поэзией ранее срока,
Достаточно кладбищ для трепетных строк.
Не надо искать среди судей пророка,
Которому внемлет и ангел и рок.

К чему тенета для мысли и слова?
Как можно стреножить Божественный свет?
Зачем вы пытаетесь снова и снова
Отсрочить уже наступивший рассвет?

«Звездой мерцающей, тревожной...»

Звездой мерцающей, тревожной
Я пробудился ото сна,
И вдруг услышал – безнадежно
Звезде той вторит тишина.

В безмолвье этом бился, рвался
Таимый долго зовный крик,
И этим зовом наполнялся
В росу упавший звездный блик.

И безысходною печалью
Пронизан был холодный свет,
Меня манивший тайной далью,
Где нет ни скорби, ни сует.

Исаакиевский собор

Покончив с неустанной битвой,
Творец вознесся к небесам,
И с них слезами и молитвой,
Свой освятил Великий Храм.

Всей жизни главное творенье,
Источник гордости и ран.
Я в нем черпаю вдохновенье.
Тебе поклон мой, Монферран!

Старик

Взгляд исподлобья, руки дрожащие,
В них его жизнь – горькая, трудная.
Давно он оплакал годы пропашие,
Что утаила судьба его блудная.

Листом засохшим с древа осыпался,
Всё уж случилось – ничто не изменится:
Огонь прогорел, золою рассыпался,
Осталось только пеплу развеяться.

«Сбежав из тревожного сновиденья...»

Сбежав из тревожного сновиденья,
По берегу пруда один я брожу,
Надеясь найти хоть минуту забвенья,
Но только следы на снегу нахожу.

Безмолвное утро дышит туманом —
Прощается лес с надоевшей зимой...
В молчании долгом и покаянном
Смываю тревогу студеной водой.

«Один кивок, одно лишь слово —...»

Один кивок, одно лишь слово —
Мир раскололся пополам.
А всё, что было в нем святого,
Потеряно у входа в Храм.

Настигнет кара иль награда
За то, что недругу солжешь?
Благословенна ли та правда,
Которой друга предаешь?

Мы разные

Пророчите, что участь незавидна.
Анафема? И в этом вы вольны.
Моя вина пред вами очевидна:
Я просто верую не так, как вы.

Мы разные. У вас иная ценность —
Не признаете вы других дорог.
Для вас всего важнее церковь,
А для меня на этом месте Бог!

«Спросил о жизни. Без подвоха. Просто...»

Спросил о жизни. Без подвоха. Просто.
Она ответила, смотря куда-то вдаль,
И я увидел, что за словом «сносно»
Она таит несносную печаль.

Создателя то шутка иль ошибка,
Или дитя случайного огреха —
Блуждает часто на лице улыбка,
Когда на сердце вовсе не до смеха.

«Как жаль, что не помним мы первых шагов...»

Как жаль, что не помним мы первых шагов,
Звуков, впервые сложившихся словом —
Своих неуверенных, робких мазков
На полотне, подаренном Богом.

Один только холст, где-то спрятан эскиз,
Разные краски побед и ошибок,
Минуты песчинками сыпятся вниз,
И с ними мгновения, между песчинок.

Чтобы в судьбою назначенный час,
Посланец явился бы к нам без печали.
Картина пред ним – завершённый рассказ:
Вечный покров, что себе мы соткали.

Сомнение

Вечер сбежал беззвучно, безропотно,
Месяц по звездам судьбу ворожил,
А некто невидимый ласковым шепотом
О странных вещах со мной говорил.

Он обещал от невзгод избавленье,
И призывал всё сначала начать.
Я же нуждался только в прощенье,
И тихо спросил: К чему мне опять?

Голос затих, пораженный смятеньем —
Так мало просил от меня он взамен:
Новая жизнь! Он сулил возрожденье!
А я сомневался и думал: Зачем?

У стен монастырских

Сожаления топью бездонною
Тянут вниз, сулят отречение,
А победу, как миф иллюзорную,
Превращают в твое поражение.

За забором высоким не спрятаться,
Молитвою не откреститься,
Слабость не может раскаяться,
Зато она может глумиться.

Бегством в полон одиночества
Не обрести искупления.
Лживы бывают пророчества,
Правдивы – лишь откровения.

«Я искал этот путь по преданиям...»

Я искал этот путь по преданиям,
Среди литургий и грехов,
По книгам и предсказаниям,
По строкам забытых стихов.

Поклонившись старинному посоху,
Помедлив чуть-чуть на краю,
Я пошел по воде аки посуху —
По плененному стужей ручью.

Затрещал он с обидой, с упреками:
«Где ты был, пока я замерзал?
Шел сюда ты чужими дорогами,
Вот поэтому и опоздал».

Пленники

С матом яростным, разухабистым,
Под дождем мы пируем градистым.
Но безрадостна песня застольная —
В веригах душа – подневольная.

У друг друга не просим прощенья
За злобу и униженья:
Тесного стойла пленники —
И лошади, и наездники.

Странник

Дороги нет и страшно обернуться,
Лишь запах гари, звуки тишины:
Бездомный странник – некуда вернуться,
Да и мосты давно уж сожжены.

Он опустил молча на колени
И будто бы молитву зашептал,
Но не молился он – считал потери,
И тщетно оправдания искал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.